

ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ОЦЕНКАХ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Очерки И. Айзенштока

Публикация материалов Л. Полянской и И. Айзенштока

История царской цензуры до сих пор не написана, и хотя материалов для нее собрано немало, нельзя сказать, что в понимании этой истории мы далеко ушли от анекдотическо-беллетристических воспоминаний, от буржуазно-либеральных схем и штампов, имеющих уже многолетнюю и малопочтенную давность. Еще в 1904 г. М. Ольминский в осторожных терминах, рассчитанных на придирчивое внимание как строгой цензуры, так и всеведущего жандармского управления, выразил мысль, что «причины той или иной системы действий по отношению к печати нужно искать не в произволе лиц и учреждений, а в условиях, которые определяют общий характер жизни в стране,—в той стадии экономического развития, на которой стояла жизнь народа» (статья «Свобода печати» в журнале «Правда», 1904, № 10). Эта мысль,—о классовом характере всего законодательства о печати (и, в частности, конечно, о классовом характере цензуры), о необходимости изучения всей с и с т е м ы царской цензуры, как аппарата классового господства и угнетения, не ограничиваясь собиранием отдельных фактов цензурного произвола, коллекционированием анекдотических «подвигов» отдельных цензоров,—эта мысль в настоящее время едва ли вызовет среди советских исследователей принципиально какие-либо возражения. Между тем, п р а к т и ч е с к и изучение царской цензуры до сих пор продолжает идти именно по этому порочному пути, давая лишь более или менее яркие бытовые иллюстрации для историка русской литературы и общественной мысли. В большинстве работ по истории царской цензуры, вплоть до сегодняшнего дня, почти вовсе отсутствует изучение самого существа, организма царской цензуры, как аппарата классово-политического гнета, как одного из орудий жандармско-полицейского управления вопросами культуры и, в частности, литературы. И если до недавнего времени ощутительным и явным препятствием для изучений подобного рода являлся довлевший в исторической науке схематизм школы Покровского, то сегодня эти изучения должны, очевидно, занять свое место в ряду иных конкретных исторических изучений, настоятельную необходимость которых подчеркивают известные постановления ЦК ВКП (б). В частности, изучение царской цензуры может существенно помочь уяснению «контрреволюционной роли русского царизма во внешней политике со времени Екатерины II до пятидесятих годов XIX столетия и дальше («царизм, как международный жандарм»)» (замечания товарищей И. Сталина, А. Жданова, С. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР).

В самом деле, для развития тезиса о контрреволюционной роли русского царизма во внешней политике история царской цензуры дает достаточно яркие и убедительные материалы. Именно на цензуру,—точнее, на целый ряд учреждений и установлений, носивших цензурные функции,—ложилась в общей бюрократической системе Российской империи задача борьбы с «революционной заразой», заносимой извне,

с Запада, борьбы с теми идеологическими влияниями, которые могли породить в умах «благополучных россиян» какие бы то ни было сомнения в неизбежности, непреложности существующего строя, существующего порядка вещей. Борьба эта в разные времена приобретала различные формы, проводилась под различными лозунгами и в различных видах, но по смыслу своему всегда оставалась борьбой реакционных, охранительных сил с прогрессивными, демократическими и, тем более, революционными веяниями и настроениями, просачивавшимися в царскую Россию, несмотря на всяческие—явные и тайные—преграды и рогатки.

В настоящей работе мы используем материалы французской литературы в отражении и преломлении царской цензуры почти за весь период ее существования. Сделать это тем более интересно и полезно, что именно французская литература всегда являлась в представлении правящих кругов царизма носительницей прогрессивных, буржуазно-демократических идей и настроений, особенно для них ненавистных, особенно ими преследуемых.

Предлагаемая вниманию читателя работа является первой в литературе сводкой и одновременно первой систематической публикацией обширных материалов царской цензуры о произведениях французских писателей. Это обстоятельство, в ряде случаев, не могло не отразиться отрицательно на полноте и яркости содержания публикации. Еще далеко не все материалы, относящиеся к нашей теме, выявлены и учтены. Однако, общую картину отношения царской цензуры к главным направлениям и крупнейшим именам французской литературы наши материалы дают, а показать эту картину, хотя бы и неясную еще в ряде деталей, и являлось нашей основной задачей в данной работе.

Публикуемые документы в подавляющем большинстве хранятся в Архиве внутренней политики, культуры и быта Ленинградского отделения Центрального исторического архива РСФСР (ЛОЦИА), в фондах Центрального (до 1893 г. С.-Петербургского) комитета цензуры иностранной, С.-Петербургского цензурного комитета, Главного управления по делам печати, Главного управления цензуры и Драматической цензуры (в том числе цензурной экспедиции III отделения собственной е. и. в. канцелярии). Отдельные документы извлечены нами из других хранилищ, а также из печатных публикаций.

І. ВОЛЬТЕР—РУССО—ДИДРО

Широкое знакомство русского читателя с французской литературой начинается в середине XVIII в., когда могучей волной хлынули переводы французских романов, когда французская просветительная философия, в своих наиболее выдающихся представителях, начинает находить горячих и активных русских адептов, когда впервые галломания перерастает рамки чисто литературного увлечения и входит в быт.

Строгие ревнители литературных канонов относятся к этому потоку французской беллетристики с большим предубеждением, отказывая ей, вслед за Ломоносовым, в какой бы то ни было художественности (французские романы,—писал Ломоносов,—«все составлены от людей неискusstных и время свое тщетно препровождающих»), считают, что она служит «только к развращению нравов человеческих и к вящему закосновению в роскоши и плотских страстях»¹. Но эти единичные голоса, эти строгие и суровые оценки совершенно теряются в более широких увлечениях и не оказывают сколько-нибудь ощутительного влияния на дальнейшее распространение в России французских романов.

Еще более поразительна распространенность увлечения французской просветительной философией, получившей в обиходе ходячее название «вольтерьянства». Если для небольшой кучки представителей дворянской фронды «вольтерьянство» явля-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ „ФИЛОСОФИИ
ИСТОРИИ“ ВОЛЬТЕРА В ПЕРЕВОДЕ
В. ЗАЙЦЕВА, 1868 г., ПОДВЕРГАВШЕГОСЯ
РЕЗКИМ НАПАДКАМ ДУХОВНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ФИЛОСОФИЯ
ИСТОРИИ

ОСЧИНЕНИЕ

Фр. М. ВОЛЬТЕРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. ЗАЙЦЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1868

лось, как показал недавно Г. А. Гуковский, идейным оружием в политической борьбе за расширение прав «народа», т. е., в основном, дворянства же, и основывалось на глубоком и тщательном изучении источников², то для большинства читателей увлечение это было только внешней данью моде и зачастую имело своей основой лишь поверхностное знакомство с одной-двумя случайными книгами. Казанова рассказывает, — и в данном случае мы можем ему верить, ибо его рассказ подтверждается другими мемуаристами, — что русский перевод «Философии истории» («Philosophie de l'histoire») Вольтера, посвященной Екатерине II, был раскуплен в течение недели. «Каждый русский, читающий по-французски, носил книгу в кармане, словно молитвенник или катехизис. Особы высшего круга только и бредили Вольтером и божились не иначе, как его именем. Прочитав его, они считали себя обладателями знаний самобытных и всесторонних, почти наравне со своим учителем... Фернейский патриарх был в их глазах—альфа и омега всякого знания и всякой премудрости»³.

Это увлечение французской литературой и философией, как известно, возглавлялось и поощрялось самой Екатериной; однако, размеры, которые приняло это увлечение, заставили ее, уже в самом начале царствования, задуматься о средствах его ограничения, об установлении специальной цензуры ввозимых в Россию (и переводимых безвозбранно) книг. «Слышно,—писала она в именном повелении генерал-прокурору Глебову 6 сентября 1763 г.,—что в Академии Наук продают также книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во всем свете запрещены, как например: Эмиль Руссо, Мемории Петра III, Письма жидовина по французскому и много других подобных. А у вольных здешнего и московского городов книгопродавцов, думать надобно, что еще более есть таких книг, которые служат к преобращению нравов, по той причине, что оные лавки ни под чьим ведомством не состоят. И так надлежит приказать накрепчайшим образом Академии Наук

иметь смотрение, дабы в ее книжной лавке такие непорядки не происходили, а прочим книгопродавцам приказать ежегодно реестр посылать в Академию Наук и университет московский, какие книги они намерены выписывать, а оным местам вычеркивать в тех реестрах такие книги, которые против закона, доброго нрава и нас. А если после того сыщется преступник сему в продаже таких книг, то конфисковать всю лавку и продать на счет сиропитального дома»⁴.

Академия наук, не осмеливаясь послушаться царского приказа, приняла на себя цензурные функции, выработав свои «предложения» для борьбы с ввозом «вредных» книг; «предложения» эти заслуживают внимания, как первая попытка сформулировать признаки «вредной» книги, подлежащей условному или безусловному запрещению. К последним Академия предполагала относить лишь следующие: «1) которые явно опровергают основания христианской веры и гражданского общества, 2) соблазнительные и честные нравы повреждающие, 3) пасквилы и сатирические сочинения, предосудительные государству и чести народной или некоторым персонам особливо». «К сумнительным книгам,—говорилось дальше в «предложении»,—о которых должно наперед доложиться и истребовать повеления, причтены быть могут особливо из политических те, в которых сочинители, либо по пристрастию какому-либо, либо по неимению достовернейших известий, ложно писали о России. Однако, благоразумие советует, чтобы, последуя в том примеру других государств, не причислять их к действительно запрещаемым, а наблюдать только, чтоб на продажу вывозимы не были. Наконец, совсем не подлежат, по мнению Академии, запрещению такие книги, «которые в основаниях своих хотя не сходятся с нашею формою правления, или со мнениями восточной церкви, однако, дозволены во всех европейских и христианских землях; також прежних и нынешних времен писатели исторические и политические, которые между прочими и в Европе достопамятными приключениями, упоминая и о России, погрешили незнанием, или писали, утверждаясь на ложных и пристрастных известиях, а хотя бы наконец и нашлось, что о явно прошедших временах предосудительное, однако, разумные читатели тем тронуты не будут, особливо, когда прочее, к знанию полезное, несравненно превосходить будет усмотренные неисправности»⁵.

Эта апелляция к «разумным читателям», чрезвычайно характерная для всей эпохи, еще яснее выступала в заключительных пунктах «предложения», где говорилось: «За твердое правило принять можно, что добродетельно воспитанные и страх божий в сердце имеющие люди, хотя б каким случаем и попались им в руки подлежащие запрещению книги, тем не поколеблются в благонравии и в должностях своих к закону и обществу, а злонравные—и без чтения оных к худым делам и развращенным мнениям всегда поползновение иметь будут». Не менее характерно было и утверждение о том, что «успехам наук и просвещению человеческого разума ничто столько препятствовать не может, как отнятие свободы в чтении всяких книг»⁶.

Во всяком случае, никаких сколько-нибудь ощутительных результатов эта ранняя попытка цензурной борьбы с иностранными, в основном французскими, книгами не имела, да и не могла иметь, поскольку самые цензурные функции навязывались Академии наук, не имевшей в своем распоряжении соответствующего цензорского аппарата и нисколько не заинтересованной в каком-либо ограничении как ввоза самих иностранных книг, так и русских их переводов. В течение ряда лет борьба со всякого рода вольнодумством, «вольтерьянством» выражалась исключительно в отдельных нападениях на «энциклопедистов» и «свободных философов», нападениях, направленных с церковной кафедры или из некоторых журнальных редакций (например, «Собеседник» и др.).

Впрочем, несмотря на эту относительную свободу, сами переводчики далеко не всегда решались на полный перевод того же Вольтера и зачастую фактически оказывались теми же цензорами, устранявшими из переводимых произведений всё казав-

шееся им недопустимым, даже присочинявшими новые эпизоды, новые примеры в философских рассуждениях и, таким образом, существенно изменявшими самое существо вольтеровского творчества. Так, например, в статье «Утешение в печали» («Смесь», 1769, лист II, стр. 9 и сл.), являющейся переводом-переделкой «Les deux consolés» Вольтера, переводчик выпустил ряд исторических примеров несчастной судьбы некоторых высокопоставленных женщин: рассказ об Анне Неаполитанской заменен в переводе рассказом о казни Анны де Булен (Анны Болейн), рассказ же о приключениях государыни, которая была низвергнута с престола ночью, после ужина, и умерла на пустынном острове (Вольтер имел здесь в виду правительницу Анну Леопольдовну), был и вовсе исключен. Одновременно в переводе совершенно пропал иронический тон рассказов Вольтера, скрытая насмешка над всеми теми высокопоставленными особами, о чьих судьбах он повествует. В той же «Смеси» (1769, лист III, стр. 17 и сл.) помещена «Индийская повесть» — перевод «Aventure indienne» Вольтера. В переводе наново присочинен весь конец рассказа — вместо оригинального окончания, в котором Вольтер смеется над духовенством, глумится над рассказами писания, издевается над религиозными догматами и т. д. Насколько строгой в данном случае оказалась цензура переводчика, видно хотя бы из того, что оба произведения Вольтера были несколько позднее беспрепятственно переведены полностью Рахманиновым в томе «Аллегорических, философических и критических сочинений г. Вольтера» (СПб. 1784)⁷.

Очевидно, в данном случае имели место недоверие к «либерализму» правительства, допускавшего, как будто, без специальной цензуры переводы большинства произведений Вольтера, неуверенность в возможности их свободного распространения в России. Симптоматичной поэтому представляется нам позднейшая (1793 г.) жалоба Е. Болховитинова (впоследствии известного митрополита Евгения) на широкое распространение «письменного Вольтера»: «Любезное наше отечество, — писал он, — донныне предохранялось еще от самой вреднейшей части вольтерова яда, и мы в скромной нашей литературе не видим еще самых возмутительных и нечестивейших вольтеровых книг; но, может быть, от сего предохранены только книжные наши лавки, между тем как сокровенными путями повсюду разливается вся его зараза. Ибо письменный Вольтер становится у нас известен столько же, как и печатный»⁸. И распространенность «письменного Вольтера», — а наряду с ним и Руссо, и энциклопедистов, — становилась всё большей по мере того, как «либеральные» настроения Екатерины испарялись под влиянием крестьянских восстаний, затем Французской революции, по мере того, как в литературе усматривала она источники политического вольнодумства.

В последние годы жизни Екатерины на имя П. Д. Еропкина отправляется особый рескрипт «не печатать новое издание сочинений Вольтера без цензуры и апробации московского митрополита»⁹, а через генерал-прокурора Самойлова посылается в Тамбов предписание конфисковать полное собрание вольтеровских произведений (упоминавшийся выше перевод Рахманинова), как «вредных и наполненных развращением»¹⁰. И, отвечая волне реакционных вейний и резкому поправению правительственного курса, в литературе появляется целый поток памфлетов, переводных и собственного, отечественного производства, направленных против «энциклопедистов» и «свободных философов» и, в первую очередь, против самого Вольтера. Поток этот захватывает и начало нового века¹¹.

Наряду с этим намечаются и более широкие, уже собственно цензурные, мероприятия, направленные, с одной стороны, к недопущению слишком подробных и откровенных сообщений о событиях во Франции, с другой — к дальнейшему ограничению ввоза иностранных книг, как источника вольнодумства и революционных настроений. Так, например, в 1791 г. «Санктпетербургские Ведомости» получили предписание «сократительнее переводить о суматохе, во Франции ныне царствующей, и не упускать прибавлять известие или примечание, колико их колобродство им самим вредно»¹². А год

спустя небезызвестный князь А. Прозоровский «всеподданнейше просил» Екатерину (письмо от 20 мая 1792 г.), чтобы она «повелеть изволила» «положить границы книгопродавцам книг иностранных и отнять способы еще на границах и при портах подобные сему книги вывозить, а паче из расстроеной ныне Франции, служащие только к заблуждению и разврату людей, не основанных в правилах честности». И дальше: «Я хотя все меры к сему взял, всемилоостивейшая государыня, но довольно способов не достаёт совершенно еще удержать, паче потому, что они [книгопродавцы] таковы книги продают скрытно, а тем вводят многих в любопытство их покупать, и, без ошибки сказать, всемилоостивейшая государыня, можно, что все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно»¹³.

Нам неизвестны в точности практические результаты этих предложений; повидимому, дело не пошло далее отдельных, более или менее случайных запрещений и конфискаций, силами полиции, без специальной организации самостоятельного цензурного аппарата. И только в 1796 г. «в прекращение разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг», был издан указ об учреждении в ряде городов цензур как для просмотра книг, печатающихся внутри империи, так и привозимых из-за границы. В отношении этих последних указ гласил, что «никакая книга не может быть ввезена без подобного осмотра», и предлагал «подвергать сожжению» те из книг, «кои найдутся противными закону божию, верховной власти, или же развращающие нравы»¹⁴. В виде комментария к последним словам, можно указать, что в современной охранительной печати (например, в предисловии к «Новейшему повествовательному землеописанию всех четырех частей света», СПб. 1795), в качестве наиболее характерных примеров книг, «поглощающих ум и благонравие растлевающих», назывались «Фоблазы..., Новые Элоизы, Кандиды и т. д.», т. е. преимущественно произведения всё той же французской литературы.

Практически мероприятия, предусмотренные указом 1796 г., были осуществлены уже в новое царствование, по непосредственным указаниям самого Павла, ненависть которого к иностранным книгам и, в особенности, к «французской заразе» слишком общезвестна, чтобы о ней следовало еще распространяться. Не довольствуясь уже принятыми мерами, Павел даёт 17 мая 1798 г. именной указ Сенату: «О устройении цензуры при всех портах; о непропуске без позволения оной привозимых книг и о наказании за непредставление цензорам получаемых газет, или иных периодических сочинений и за пропуск вредных книг» — указ, всецело направленный против французской политической прессы и французской литературы. «Правительство, ныне во Франции существующее, желая распространить безбожные свои правила во все устроенные государства, ищет развращать спокойных обитателей оных сочинениями, наполненными зловерными умствованиями, стараясь те сочинения разными образами рассеивать в обществе, наполняя даже оными и газеты свои». «Подтверждая ныне прежде сего состоявшиеся указы о сочинениях французских, под именем Монитера известных, да и других такого рода издаваемых вообще в областях под обладанием Французским состоящих, видя также, что многие газетчики отступают от прямой цели должности своей и ищут, по подущению и французов, или же по собственным своим дурным расположениям, подражать им, и что, к сожалению, власти некоторые взирают на сие спокойным духом», указ предписывал ряд строгих запретительных мер против проникновения французской прессы в пределы Российской империи, подчеркивая, что за ослушание будут подвергаться строжайшим наказаниям как лица, непосредственно получающие или провозящие французские газеты, так и начальствующие в почтамтах и цензоры, «коль скоро пропустят вообще сочинения в местах под обладанием Французским составленные, или же другие, в коих найдется что-либо оскорбляющее закон божий, верховную власть и общее устройство»¹⁵. Некоторое же время спустя, 18 апреля 1800 г., новым указом был и вовсе воспрещен

ввоз иностранных книг: «Так как чрез вывозимые из заграницы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из заграницы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку»¹⁶.

На практике установление строгого цензурного заслона от Запада и Франции, прежде всего, привело к небывало резкому увеличению контрабандного провоза и распространения литературы из-за границы. Контрабанда просачивалась отовсюду, и никакие рогатки, никакие запреты остановить ее не были в силах. «И так как,—говорит Шторх,—итти на такой риск, какой связывался с ввозом книг, стоило только для самых пикантных вещей, то строгость мер была причиной, что из всех литературных произведений приходили в империю только такие, по поводу которых запрещение и было, главным образом, сделано. Некоторые букинисты, в числе которых были также и эмигранты, занимались этим опасным, но прибыльным промыслом с неслыханною смелостью. Их склады были известны почти всякому, и, однако, не нашлось ни одного доносчика»¹⁷.

Особенно свирепствовала рижская цензура, через которую, главным образом, и проходили иностранные книги и которой ведал Ф. О. Туманский, первым из цензоров удостоившийся своеобразного бессмертия за свои цензурные «подвиги». Вот несколько заключений его о французских книгах. О «Нравственных рассказах» А. Лафонтена: «Довлеет воспретить; на стр. 159 автор осмеливается говорить о постыдности искать чинов, унижая себя перед золотом, или вышешю степенью негодяя». О книге Prudhomme «Les crimes des reines de France, depuis le commencement de la monarchie, jusqu'à Marie

№ 137
17го февраля 1870
ПРАВОСЛАВНАГО
ИСКОВѢДАНІЯ.
САМООБРАЗОВАТЕЛЬСКАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ
КОМИТЕТЪ
ЦЕНЗУРЫ ДУХОВНЫХЪ КНИГЪ.
17го февраля 1870
№ 137

Лито. № 28 февраля 1870.
с. 2
Въ Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ.

Вышеизвѣстная отпечатанная цензурная Комитетомъ отъ 17го февраля 1870 г. № 137 Петербургской Кабинетной Духовной Цензуры, касающаяся приложенной книги «Романы и повести Фольера» перелома Дмитрия Ивановича Давыдова, принятая, 442 и 443, стр. 442-443, 448-452, 460 и 525-528 по сличенію со старинными французскими изданиями, въ которыхъ въ вышеизвѣстной книге и собственныя вставки и перелома Давыдова, а также древній и фантасматическій историческій вѣрный въ вышеизвѣщенной формѣ писавшій помянутый вранъ авторъ въ приложенной на стр. 442 и 443 подражаетъ манеръ новейшей по формѣ вымышленнаго существованія иносказательнаго повествованія чрезъ злонамеренно въ вышеизвѣщенной книгѣ грабливаются сажура съ истинной и перелома Давыдова помянутой на стр. 448-452 въ приложенной

Лито. № 28 февраля 1870
Н. Ткачевъ

ОТНОШЕНИЕ КОМИТЕТА
ДЛЯ ЦЕНЗУРЫ ДУХОВНЫХЪ КНИГЪ
ОТ 17 ФЕВРАЛЯ 1870 г. ВЪ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТЪ С
ПРЕДЛОЖЕНИЕМЪ ИЗЪЯТІЯ РЯДА
СТРАНИЦЪ ИЗЪ КНИГИ «РОМАНЫ
И ПОВЕСТИ ВОЛЬТЕРА. ПЕРЕВОДЪ
ДМИТРИЕВА»

Ленинградское отделение Центрального
исторического архива (ЛОЦИА)

Antoinette): «Титул книги, м о т т о под заглавную карикатурою и приложенные изображения доказывают дерзкую и злобную цель, так что ни единой страницы без содрогания читать было нельзя, следственно, выписывать дерзости—было бы переписывать книгу»¹⁸.

Для правильной оценки этих заключений, производящих в настоящее время несколько юмористическое впечатление, необходимо сделать поправку на общеизвестные нравы павловской администрации, по сравнению с которыми даже позднейшие николаевские порядки казались какой-то законностью. И, однако, наряду с этой жестокостью, соединенной с мелочной придирчивостью, павловская цензура сплошь да рядом допускала «промахи», трудно объяснимые в настоящее время без учета всех сопровождавших их обстоятельств. Так, тот же Туманский представил к запрещению знаменитый трактат Ж.-Ж. Руссо «Du contrat social ou principes du droit politique», указывая коротко: «Известно, что мнимое равенство во французской революции большею частию из сей книги заимствовано». Но Петербургский цензурный совет, под председательством князя А. Б. Куракина, нашел, что книга эта может быть пропущена, «яко принадлежащая к сочинениям Руссовым, которых привоз и продажа были равномерно свободны, а потому, конечно, и есть уже они здесь во многих собраниях книжных». Подобным же образом, отвечая на запрос петербургской цензуры о том, как ей поступать с сочинениями Вольтера, совет решил, что так как «до сего времени сочинения Вольтера были ввозимы в Россию в великом множестве экземпляров и находятся во всех книжных магазинах и библиотеках, то преграждением дальнейшего ввоза их не будет достигнута цель», а потому совет и постановил поступать с ними, как с сочинениями дозволенными. Лишь после непосредственного вмешательства самого Павла совет изменил свою точку зрения и запретил безоговорочно все сочинения Вольтера¹⁹.

Не останавливаясь на ряде последующих гонений на Вольтера, «вольтерьянство» и на сочинения французских энциклопедистов, заметим лишь, что и значительно позже произведения их неизменно ассоциировались с идеями политического и религиозного свободомыслия, с призраком революции вообще, пугавшим воображение самодержавной императорской России.

В 1850 г. министр народного просвещения, князь Ширинский-Шихматов, представлял «всеподданнейший доклад» о затруднениях, встреченных цензурой при дозволении нового издания, в собрании сочинений Екатерины II, ее писем к Вольтеру и доктору Циммерману, изданных уже прежде, в 1802—1803 гг. «Цензор, рассматривавший эту переписку,—докладывал министр,—встретил затруднение в одобрении к напечатанию многих мест, заключающих в себе или выражение нескромных похвал Вольтеру и сочинениям его, или шутки и остроты в отношении к предметам, тесно связанным с нашими религиозными убеждениями». Особую пикантность этому отзыву цензора придавало то обстоятельство, что дело шло о письмах российской императрицы, действия и писания которой, казалось бы, не должны были подлежать какому бы то ни было цензурному контролю. Николай I, ненавидевший Екатерину, личным вмешательством запретил новое издание ее переписки с Вольтером, «в чем и не настоит особенной надобности»²⁰.

В 1852 г. секретный Бутурлинский комитет в книге свящ. Н. Сокольского «Всеобщая гражданская история для классического и домашнего употребления»—учебнике для духовных семинарий—нашел «несоответственным и цели учебной книги и званию автора» главу, посвященную философии XVIII в. «Здесь говорится, между прочим, что в философии прославились: Юм, Фихте, Гельвеций, Руссо, Вольтер и множество сочинителей больших энциклопедий. Но Руссо, Вольтер и другие из поименованных известны, как разрушители верований, как отрицатели божественного учения церкви; и потому не странно ли, что пастырь церкви относит труды их к усовершенствованию философии»²¹.

В этом же направлении усиленного подчеркивания антирелигиозных настроений Вольтера шли и позднейшие цензурные высказывания о нем, исходящие преимущественно от духовной цензуры. Так, в 1868 г. член Петербургского комитета духовной цензуры, архимандрит Фотий, подверг обстоятельному разному книгу: Фр. М. Вольтер, «Философия истории, перевод с французского под редакцией Зайцева» (СПб. 1868). Упомянув, что книга эта «должна была предварительно быть представлена, еще в рукописи, на рассмотрение духовной цензуры, потому что в этом сочинении автор рассуждает о событиях и других предметах священной истории ветхо-заветной церкви, также касается догматов христианской веры», цензор переходит, собственно, к оценке Вольтера.

«Книга эта, заключающая в себе «Философию истории» и антикритику на это сочинение, под названием: «Защита дядюшки», содержит в себе весьма много противного св. писанию или вере христианской. Автор, хотя и прикрывается заявлениями уважения своего к божественному откровению, но эти заявления имеют у него несомненное значение иронии, потому что все сочинение его направлено к противному. Он не только наводит тень сомнения на многие истины веры, но и подкапывается под самые основания их и даже дерзко глумится над ними. Так он с возмутительною дерзостью подкапывается под самые основы церкви ветхо-заветной, которая составляет другую половину или часть церкви христовой, доказывая, что в ней будто бы допускалось многобожие и не было веры в будущую жизнь и бессмертие души,—что рассказ о Моисее, которого автор называет секретарем бога (стр. 223), будто бы есть позднейшая переделка индейского сказания о Бахусе (стр. 155); еврейский народ считает предками воров, называя его шайкою воров и разбойников, грубыми варварами, народом тупым и жестоким, и глумится над проявлениями сему народу божиих благоденствий (стр. 234—235). На стр. 29 видимо издевается над воплощением господина и спасителя нашего Иисуса Христа; на стр. 65 дает понять, что христианское таинство крещения будто бы заимствовано из религии персов и халдеев; на стр. 263 подкапывает веру в учение о воскресении; на стр. 222 упрекает духа святого в сообразовании будто бы с народными суевериями, а св. писание—в подтверждении предрассудков. И все это всюду сопровождает циническими остротами и оговорками, в роде следующей: что в истории евреев все человеческое есть верх ужаса, а божественное непостижимо нашему ограниченному рассудку; стало быть остается безмолвствовать (стр. 222). Кроме сих мест... можно указать еще следующие, замечательные по дерзкому противоречию св. писанию:

1) Автор, вопреки ясной истории ветхо-заветной, полагает первоначальное состояние рода человеческого—дикое (стр. 16). 2) Теократию называет тираниею, безумным, гнусным образом правления (стр. 52). 3) Подвергает сомнению путешествие израильтян по пустыне (стр. 58). 4) Еврейский обрядовый закон, который дан богом, почитает сумасбродством (стр. 408). 5) Историю сотворения мира называет нелепостию (стр. 107). Такие, и многие другие, дерзкие противоречия учению св. писания содержит в себе эта книга».

Из сказанного цензор делал практический вывод о необходимости запрещения книги («не может быть дозволена к обращению в публике»), отвергая одновременно просьбу издателя (Н. П. Полякова) об «исправлении» книги, т. е., повидимому, о снабжении ее каким-то предисловием, которое бы «разъясняло» и «опровергало» Вольтера, либо об исключении наиболее предосудительных с цензурной точки зрения мест. «Исправление этого сочинения,—писал цензор,—во всяком случае, неудобно и почти невозможно, потому что: 1) здесь требуются не краткие заметки, а обширные опровержения. А так как в упомянутой книге весьма много вредного истине, то нужно составить почти такую же по величине книгу опровержений удовлетворительных. 2) В этом сочинении много глумлений и насмешек над предметами священными.

А насмешки, хотя много вредят истине, неудобны для опровержения. Исключить же все вредные для веры места этого сочинения неудобно потому, что их чрезвычайное множество. Притом, всё сочинение проникнуто дурным духом, враждою и ненавистью к христианству, как религии положительной, откровенной, особенно к первой части христианства—к церкви ветхо-заветной, которая, в некотором отношении, есть основание церкви ново-заветной»²².

В 1870 г. духовная же цензура настояла на исключении ряда страниц из книги «Романы и повести Ф. М. Вольтера. Перевод Дмитриева», которые «касаются некоторых священных лиц и событий ветхого и нового заветов, а также учения и догматов христианской веры». «В вымышленной форме писем последователей Браммы,—писал цензор,—автор в примечании на стр. 442 и 443 набрасывает тень неверия на действительное существование Моисея, воспользовавшись для этого баснею о Бахусе, кощунственно сравнивает Бахуса с Моисеем и первого предпочитает последнему; на стр. 449—452 с иронией относится к обращению апостола Павла в христианство, к его страданиям и, в особенности, к его восхищению на третье небо; перечисляет далее некоторые события из ветхого завета и, придавши им особый смысл и значение, представляет их, как события частью сказочные, частью ужасные и омерзительные, очевидно желая тем унижить достоинство священной истории, а на стр. 464 с намерением указывает на такие чудеса Иисуса Христа и при этом выражается так, что они служат к унижению достоинства совершающего; в вымышленной форме разговора, на стр. 525—528, иронически представляет встречу апостола Петра с Симоном волхвом, старается заподозрить достоинство пресвятой девы, как божией матери, с сомнением говорит о действительности вечных мучений. Таким образом, вышеуказанные страницы по изложению, духу и направлению клонятся к унижению священных лиц и событий и к поколебанию истин и догматов христианской веры и, как явно неблагонамеренные и оскорбительные для чувства христианской веры... подлежат запрещению»²³.

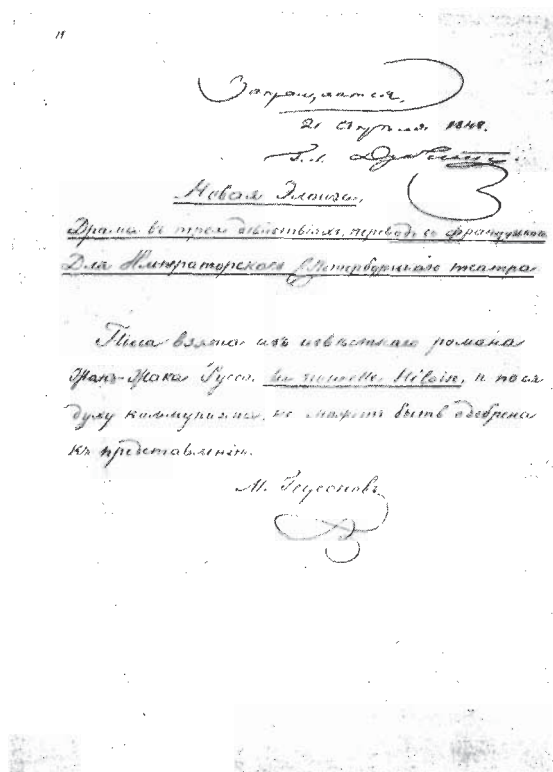
С духовной цензурой соперничала по части уловления и истребления антирелигиозных мест у Вольтера также цензура иностранная. Цензор Л. Ивановский, по ознакомлении с книгой Voltaire, «Œuvres choisies» (Paris, 1878), доносил в своем рапорте, что «часть книги, озаглавленная «Religion», заключает в себе, вместе с весьма справедливыми замечаниями о веротерпимости и вреде фанатизма, бесчисленное множество мест, в коих Вольтер, со свойственною ему колкостью, издевается над догматами, над текстом священного писания и, наконец, над самою личностью спасителя», и полагал, что «эта часть следует вся к исключению». Комитет, однако, предпочел запретить всю книгу целиком»²⁴.

Первая часть философского лексикона Вольтера («Œuvres complètes», vol. XVI, Paris, 1876) в 1883 г. подверглась запрещению за то, что в нем автор «подвергает предания св. писания своей едкой сатире и профанирует их с свойственною автору беспощадностью»²⁵. В 1884 г. «Romans suivis de ses contes en vers» (Berlin) были разрешены с исключением непочтительного отзыва о девице Марии²⁶. В 1888 г. запрещена книжка «L'ingénue» (Petite bibliothèque universelle. Chefs d'œuvre français et étrangers), «в виду того, что тенденция автора осмеивать религию и что он возбуждает чувственность в читателе»²⁷.

Однако, в том же 1888 г. поэт и цензор Я. П. Полонский, рассматривая том избранных произведений Вольтера,— правда, приспособленных к школьным потребностям (Voltaire, «Extraits en prose. Philosophie, histoire, littérature, mélanges. A l'usage des classes supérieures de l'enseignement secondaire classique et special». Par Eug. Fallex, Paris, 1888),—попытался «реабилитировать» Вольтера перед цензурой указанием на его устарелость, на отсутствие какой бы то ни было актуальности в его политических, антирелигиозных и антицерковных выступлениях, особенно по сравнению с тем, что давала современная политическая (особенно, конечно, зарубежная) печать.

ЗАПРЕЩЕНИЕ СДЕЛАННОЙ ПО
РОМАНУ РУССО ПЬЕСЫ „НОВАЯ
ЭЛОИЗА“. ПОДПИСАНО ЦЕНЗОРОМ
М. ГЕДЕОНОВЫМ И ДУБЕЛЬТОМ
21 АПРЕЛЯ 1848 г.

Ленинградское отделение Центрального
исторического архива (ЛОЦИА)

«После всего того, что писалось и печаталось не только за границей, но даже и у нас, в наших журналах, после Вольтера,—писал Полонский,—когда принимаешься читать его, Вольтер кажется несколько не страшным. Напротив, все, что писал он, кажется уже пресным после той наркотической пищи, которую дает нам современная литература. Для наших доморощенных философов и атеистов Вольтер, несомненно, кажется верующим, а нашим анархистам и нигилистам будет неприятен, так как Вольтер проповедует, что самая счастливая страна есть та, которая повинуется законам... Может быть, в этой книге и встретятся места сомнительные, но в общем, в наше время, книга эта не представляет собой никакой опасности. Вольтер был страшен, да и теперь еще страшен для западного, католического духовенства, но он нигде в этом сборнике не отрицает религии и не затрагивает сущности христианства.

Книжка эта — сборник статей самого разнообразного содержания, и я думаю, очень полезен для желающего ознакомиться с Вольтером, для людей, занимающихся историей литературы. Для нас, русских, сочинения Герцена заключают в себе гораздо больше яда, чем Вольтер, но и Герцен потерял уже свое обаяние»²⁸.

В этом любопытном документе наиболее примечателен, конечно, не самый факт пропуска книги, представлявшей, действительно, самую безобидную выборку из произведений и высказываний Вольтера; примечательны, с одной стороны, «либерализм» цензора, указывавшего на необходимость какого-то исторического подхода к Вольтеру, с другой — система его доказательств, по которым Вольтер (в причудливом сочетании с Герценом) является меньшим злом, по сравнению с более современными публицистами и философами, «анархистами» и «нигилистами» — подлинными «потрясателями основ». Эффекта этого выступления Полонского не могут затушевать ни позднейшая его оценка «Dialogues satiriques et philosophiques suivi du sermon des cinquante» (Paris, 1890)²⁹, ни опасения цензора, при рассмотрении русского перевода

«Вавилонской принцессе» (1896), что у нас в России сочинения Вольтера должны оказать такое же влияние, что и во Франции в XVIII в., т. е. «подготовить революцию и дать ей антирелигиозный характер»³⁰.

Дальнейшее содержание под запретом философских и художественных произведений Вольтера, вошедших в обиход университетского и даже отчасти гимназического преподавания и изучения, делалось все затруднительнее, все менее оправдываемым. В 1897 г. было разрешено несколько произведений Вольтера, находившихся под запретом или допущенных с исключениями: «Dictionnaire historique des événements remarquables» (Paris, 1874); «Œuvres choisies» (Paris, 1878); «Œuvres complètes» (Paris, 1876, vols. II, IV, XII); «Romans suivis de ses contes en vers» (Berlin). Цензура признала их достоянием истории и нашла возможным проявить к ним «снисхождение»³¹.

Впрочем, и позднее цензура обращала внимание на произведения Вольтера, подчеркивая их «безнравственность». Так, в 1912 г. Петербургский комитет по делам печати наложил арест на «Повести и рассказы» (перевод Л. Буха, издание Павленкова, СПб. 1912), усмотрев в некоторых из них места «явно противные нравственности и благопристойности». Однако, окружный суд не нашел в книге состава преступления и арест отменил³².

Менее характерны и выразительны цензурные дела о другом великом философе—Ж.-Ж. Руссо. Конечно, произошло это не по причине особенной благосклонности к нему царской цензуры и не потому, чтобы русская литература уделяла ему недостаточное внимание. Как указывал в свое время В. В. Сиповский, имя Руссо не сходит со страниц русских журналов, начиная с половины XVIII в. и вплоть до сороковых годов XIX ст.³³; что же касается влияния на русскую художественную литературу, то Руссо не только не уступал Вольтеру, но, пожалуй, превосходил его. Одновременно значительный резонанс на русской почве получил и руссоизм, как философское явление, вызывая восторженные оценки, громадное количество подражаний и изредка попытки полемики с ним. Эта же философия Руссо вызвала, еще в XVIII в., обвинения его со стороны цензурно-полицейских учреждений в коммунизме и безбожии; образцы подобных обвинений приводились уже выше, повторялись они неоднократно и позднее.

Так, в 1831 г. духовной цензурой было запрещено «Размышление о величестве божием» Руссо³⁴; в 1851 г., при цензуровании «Библейско-биографического словаря» Яцкевича и Благовещенского, духовный цензурный комитет обнаружил в нем разные «излишности и неуместные суждения», в числе которых видное место занимали ссылки на Руссо в защиту св. писания (?)³⁵. В 1848 г. театральной цензурой, находившейся в ведении III отделения, была запрещена—по докладу директора петербургских театров М. Геденова—переводная пьеса «Новая Элоиза», переделанная из одноименного романа Руссо: Геденов нашел (и с ним согласился в своей запретительной резолюции Дубельт), что пьеса «не может быть одобрена к представлению... по ее духу коммунизма»³⁶. В 1854 г. цензор Гольмбладт, рассматривая «Les confessions», нашел, «что, кроме безнравственного направления этого сочинения, неудовлетворительными в цензурном отношении представляются и религиозные понятия автора, и что, кроме того, в книге этой встречаются места, противные благоприличию». По мнению цензора, «„Исповедь“ эта, несмотря на все значение свое для психолога и литератора, должна быть запрещена для публики». Комитет цензуры иностранной не только подтвердил мнение цензора, но и запретил еще находившиеся в той же книге «Lettres à Sare»³⁷.

Правда, позднее, в 1872 г., были пропущены «Discours sur l'origine et le fondement de l'inégalité parmi les hommes» и «Emile ou l'éducation», а в 1872—1873 гг. «Œuvres complètes» (vols. I—XIII), однако, «Contrat social» в течение нескольких десятилетий

вызывал пристальное внимание цензуры. Выдержки из «Contrat social», приведенные в книге: «J. J. Rousseau, Morceaux choisis. Edition classique avec notes, jugement... par Eug. Fallex» (Paris, 1884), были исключены иностранной цензурой в 1886 г. Однако, в 1897 г. это издание было разрешено полностью⁸⁸.

· Чрезвычайно показательно запрещение русского перевода «Contrat social» в 1905 г.: очевидно, содержание трактата Руссо показалось цензуре слишком созвучным революционным и конституционным настроениям, чтобы его можно было свободно пустить в обращение. По поводу представленной в цензуру рукописи перевода «Общественного договора» Руссо (перевод А. А. Френкеля) цензор Ф. Федоров писал: «По учению Руссо совершеннейшею формою государственного устройства является самодержавная демократия: нераздельное, неотчуждаемое и непогрешимое народовластие осуществляет всю полноту власти при посредстве «правительства», являющегося ставленником народа, всецело от него зависимого и им сменяемого. Известно, какую выдающуюся, если не главную, роль сыграла эта идея властного народа в формулировке принципов Великой французской революции». И дальше: «Принимая во внимание, что изложенные рассуждения и выводы находятся в полном противоречии с существующим государственным нашим строем и коренными законами, я полагаю бы рукопись: «Об общественном договоре или начала политического права» Ж.-Ж. Руссо к печати не допускать... К сему считаю необходимым присовокупить, что названное сочинение J. J. Rousseau «Du contrat social ou principes du droit politique» запрещено в подлиннике к ввозу в пределы России». С заключением цензора согласился и Петербургский цензурный комитет⁸⁹.

Весьма систематическим, последовательно отрицательным было отношение царской цензуры и к третьему великому представителю французской философии и литературы XVIII в.—Дидро, или Дидероту, как его называли в России вплоть до сороковых годов XIX в. Не касаясь более старых отзывов и характеристик, в которых имя Дидро неизменно сопровождало имена Вольтера и Руссо, приведем ниже ряд документов позднейших годов, ярко демонстрирующих, насколько силен и упорен был страх царской цензуры перед проникновением в Россию революционных идей французского просветительства.

В августе 1829 г. цензор Г. Р. Дукшта-Дукшинский представил С.-Петербургскому комитету цензуры иностранной обширный рапорт о книге: «Correspondance inédite de Grimm et de Diderot et recueil de lettres, poésies, morceaux et fragments retranchés par la censure impériale en 1812—1813» (Paris, 1829), в котором писал: «Переписка Гримма, Дидерота, статьи, запрещенные цензурою,—вот заглавие заманчивое для толпы ветреных читателей, но ужасающее благомыслящего человека. Можно ли ожидать какой-либо пользы от сочинений корифеев безбожия?—Издатель предвидел сей вопрос и, признаваясь откровенно в том, что его герои исповедуют и обнаруживают бесстыдно правила атеизма и материализма, он спешит уверить, что их сочинения теперь не только уже не вредны, но и служат к утверждению истины.

«Религия победила противников более серьезных, чем Гримм и Дидро, и мы не только полагаем, что их писания не представляют никакой опасности, но даже убеждены, что содержащиеся в них многочисленные и ощутительные непоследовательности могут только содействовать триумфу истины» (стр. X).

Так верно г. издатель принял на себя труд показать неосновательность их мнения? Ни мало. «Не давая оценки их мнений,—говорит он (стр. XI),—мы не старались ни смягчать, ни опровергать даже такие из них, ложность и опасное преувеличение которых были доказаны опытом».

Из 59 статей, составляющих ее содержание, большая часть относится до религии; в прочих рассуждается о политических и других менее важных предметах. Правила так называемых философов XVIII в. вообще и, в особенности, мнения Дидерота

и Гримма довольно известны. Самое бесстыдное безверие, отвратительное кощунство, материализм и вражда к монархическому правлению, составляющие отличительные качества их сочинений, обнаруживаются и в настоящей их переписке». Приводя затем несколько отрывков, «подающих понятие о ее духе» и иллюстрирующих высказанные выше положения, цензор продолжал: «Мысли о политике основаны здесь на понятиях, изображенных в известной книге Жан-Жака Руссо «Le contrat social», но мы почитаем излишним приводить оные, поелику безбожие и кощунство, наполняющие сию книгу, уже слишком достаточны к строжайшему оной запрещению»⁴⁰.

В 1831 г. цензура запретила первые два тома книги «Mémoires, correspondance et ouvrages inédits de Diderot, publiés d'après les manuscrits confiés, en mourant, par l'auteur à Grimm» (Paris, 1831), усмотрев в них «следы опасного вольнодумства автора, состоящего в непристойных шутках, обнаруживающих неуважение к вере христианской и оскорбляющих добрые нравы»⁴¹. Докладывая же комитету о томах III—IV этого издания, цензор В. Соц обратил особое внимание на помещенные в них «Философские беседы», в которых «излагается опасная теория материализма» и, особенно, на «Прогулку скептика», сочинение, «в коем автор рассуждает о религии, философии и мире» и которое «исполнено ужасного безбожия, соединенного с гнусным кощунством на счет веры христианской и книг ветхого и нового завета». «Имея в виду решение Главного управления цензуры... о запрещении для публики первых двух томов,— продолжал цензор,—мы полагаем, что оно должно распространяться и на третий, заключающий в себе несколько предосудительных мест, отмеченных на страницах: 32, 49, 72, 308, 390 и 447. Но четвертый том, в коем находятся вышеобъясненные опасные статьи, требует, по мнению нашему, меры безусловного запрещения»⁴². С мнением цензора согласился комитет, и запрещение всех четырех томов было отменено лишь в 1897 г.⁴³.

Запрещению подвергались и некоторые другие издания произведений Дидро, например, «Mélanges philosophiques» (Paris, 1870), как заключающие «суждения о боге и религии, проникнутые духом сомнения, насмешки и отрицания», или «Nouvelles et mélanges. Anecdotes diverses» (Berlin)—несмотря на снисходительный отзыв цензора⁴⁴.

Если философские сочинения Дидро вызывали преимущественно обвинения в кощунстве, в оскорблении добрых нравов, то его художественные произведения неизменно запрещались, ввиду «крайней безнравственности» их содержания. В 1868 г. были запрещены «Romans et contes» Дидро (3 тома), причем рассматривавший их цензор особенное внимание обратил на дешевизну, а следовательно, доступность издания⁴⁵. Когда же в 1872 г. было выпущено бесцензурное русское издание «Романов и повестей» (в переводе В. Зайцева), оно было запрещено и уничтожено по постановлению комитета министров. В своем представлении по этому поводу Главное управление по делам печати писало: «Означенный том «Романов и повестей Дидро» состоит из пяти отдельных статей, из которых первые две, большие по объему, «Жак фаталист и его барин» и «Белая птица», отличаются особенно вредным содержанием, а из остальных, меньших статей, в двух встречаются только некоторые места неудобные для печати... Вся книга эта как в общем, так и в частности по своему антирелигиозному и циническому характеру представляется в высшей степени безнравственной и безбожною; такой характер подлинника оной признан даже в самой Франции».

Комитет министров полностью согласился с такой оценкой, признал книгу «не только безнравственной, но и антирелигиозной» и постановил запретить ее; все издание (2462 экз.) было уничтожено⁴⁶.

В начале восьмидесятых годов в цензурном ведомстве возникло несколько дел в связи с исследованиями о Дидро и материалистической философии XVIII в.; дела

эти весьма убедительно показывают, насколько опасной казалась эта философия самодержавию и через сто лет после ее появления. Особенно характерно в этом отношении дело о книге (переводной) Джона Морлея «Дидро и энциклопедисты» (перевод В. Н. Неведомского, изд. К. Т. Солдатенкова, М., 1882), о которой обширный доклад представил цензор Федоров.

«Названная книга,—писал цензор,—завершает собою ряд исследований о литературных произведениях, подготовивших французскую революцию, и знакомит читателя преимущественно с идеями безбожия, господствовавшими в XVIII в. Особенное внимание обращают на себя стр. 1—169, содержащие в себе разбор сочинений Дидро и современных ему философов, и глава XIV, излагающая «Систему природы» Гольбаха. Идеи рационализма и атеизма, а также идеи, подрывающие монархическую власть, изложены здесь в более последовательном порядке и способны произвести тем большее впечатление на читателя. Читатель узнает из названных страниц, что стремление к евангельскому совершенству, по мнению Дидро, есть не что иное, как «вредное искусство заглушать природу» (стр. 10). По мнению того же философа, откровенная религия не доставляет никаких выгод, которые уже не были бы обеспечены нам натуральной религией; религия эта не познакомила нас ни с какими новыми истинами; все, что она прибавила к натуральным законам, заключается в пяти-шести положениях, которые так же мало понятны, как если бы они были выражены на древнем карфагенском наречии (стр. 42). Профессор Кембриджского университета Саундерсон, слепой от рождения, но человек с поразительной силой ума, допускает существование бога только в таком случае, если бы можно было осязать его (стр. 62). И. Христос представляется не более, как гениальным человеком, и ставится в ряду Эсхила, Пиндара, Магомета, Шекспира (стр. 143).

Религия вообще низводится на степень суеверия, и если человеку, склонному от природы к суеверию, необходим какой-нибудь идол (говорится на стр. 151), то жела-

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ

Д. ДИДРО.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. ЗАЙЦЕВА.

ТОМЪ II.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ II ТОМА
ИЗДАНИЯ „РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ“ ДИДРО
ВЪ ПЕРЕВОДѢ В. ЗАЙЦЕВА, ЗАПРЕЩЕННОГО
И УНИЧТОЖЕННОГО ПО ПОСТАНОВЛЕНІЮ
КОМИТЕТА МИНИСТРОВЪ, 1872 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Неизодова (Олецкерская, № 14).
1872.

тельно, чтобы этот идол был самый простой и безвредный. «Система природы» Гольбаха, по мнению самого Д. Морлея, есть такая книга, в которой все разбросанные критикой XVIII в. взрывчатые вещества были соединены в одну громоносную машину бунта и разрушения. Книга эта поразила самого Вольтера, и лишь только он прочел «Систему природы», как тотчас схватился за перо, чтобы писать возражения. Фридрих II был оскорблен книгой, которая так же мало щадила политические предрассудки, как и богословские догматы. Гольбах, по словам Морлея, нападает на самые основные идеи теологии и на идею о божестве смотрит, как на болезненный нарост. Для характеристики политических убеждений Гольбаха достаточно следующей цитаты: «Повсюду люди находятся под игом такого властелина, который пренебрегает образованием своего народа, стараясь лишь о том, чтобы его надуть и превести. Во всех странах земного шара правители—люди несправедливые, неспособные, изнеженные роскошью, нравственно испорченные лестью, развратившиеся от своенволия и безнаказанности, не отличающиеся ни талантами, ни нравственными правилами, ни добродетелями... Во всех странах нравственность народа в совершенном пренебрежении, и правительства заботятся только о том, чтобы сделать управляемых боязливými и подлыми» (стр. 368)⁴⁷.

По моему убеждению, новый перевод сочинения Д. Морлея, знакомящий русскую публику с такими идеями, которые, как говорит сам автор, подготовили кровавый переворот в прошлом столетии, не может не представляться вредным вкладом в русскую литературу».

Это убеждение в крамольности книги было настолько велико, что, когда Главное управление по делам печати задержалось несколько с решением вопроса о запрещении, специальную телеграмму прислал московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков, подчеркнув, что и он, со своей стороны, находит книгу вредною. Однако, министр внутренних дел разрешил выпустить книгу, «ввиду ее ученого характера»⁴⁸.

В 1884 г. внимание цензуры привлекла книга В. А. Бильбасова «Дидро в Петербурге» (СПб. 1884) и, в частности, стр. 142—143, где «издатель Бильбасов с едкостью замечает, что через сто лет после Фонвизина, с презрением отзывавшегося о таких философах, как Дидро, у нас и теперь имеют успех невежество и отсталость, в качестве основ народно-русского направления, и что до сих пор произведения французских философов прошлого века, в том числе и Дидро, признаются вредными и находятся под запретом». Этот отзыв Бильбасова «относительно обскурантизма русского правительства» цензор счел «совершенно неуместным» и, по совокупности отмеченных прегрешений, предложил книгу «подвергнуть аресту, с условием исключения указанных мест». Несмотря на то, что Петербургский цензурный комитет с мнением цензора согласился, начальник Главного управления по делам печати, Е. М. Феокистов, разрешил выпуск книги, положив резолюцию: «В указанных местах книги не усматриваю ничего такого, что должно было бы служить поводом к ее запрещению»⁴⁹.

Наконец, в том же 1884 г. внимание иностранной цензуры обратила на себя книга D. Diderot, «Les Eleuthéromanes (avec un commentaire historique)» (Paris, 1884), о которой цензор А. Певницкий дал следующий отзыв: «Эта книжка, изданная по случаю столетнего юбилея смерти Diderot, содержит перепечатку одного из его стихотворений, напечатанного им в 1772 г., под заглавием: «Les Eleuthéromanes, ou les furieux de la liberté», которому издатель предпослал исторический комментарий о значении Дидро, как философа, писателя и публициста.

Восторженный поклонник проповедуемых издателем «Энциклопедии» радикальных идей, автор ставит ему в высокую заслугу его ожесточенные нападки на религию и монархическую власть, восхищается его отрицанием верования в бога, оправдывает все совершенные французскою революциею неистовства и жестокости и выставляет последователя Дидро, Дантона, идеалом честного и мужественного гражданина...

Воспроизведенное здесь стихотворение «Les Eleuthéromanes» содержит в себе исполненное ненависти к алтарю и престолу воззвание к диким страстям толпы, открыто призывающее к убийству царей и священников (см. на странице 96 слова: «Его руки готовы свить кишки попа, чтобы, за недостатком веревки, удушить ими королей»). Посему не может быть сомнения, что эта книга подлежит запрещению»⁵⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. В. Ломоносов, Риторика, СПб. 1748, стр. 153; М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, под ред. М. И. Сухомлинова, т. III, стр. 207.

² Гр. Гукоский, Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х—1760-х гг., М. 1936, стр. 98—99.

³ «Записки венецианца Казановы» («Русск. Старина», 1874, кн. 9, стр. 540—541). Ср. также «Записки Г. Винского» («Русск. Архив», 1877, т. I, стр. 103); «Записки А. Т. Болотова», т. IV, стр. 184 и др. Свод мемуарных данных о «вольтерьянстве» дал В. В. Сиповский в статье «Из истории русской мысли XVIII—XIX вв. (Русское вольтерьянство)» («Голос Минувшего», 1914, № 1, стр. 105—131); там же—краткая библиография вопроса.

⁴ «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», т. VII, стр. 318; ср. также «Осьмнадцатый век», кн. III, стр. 391.

⁵ В. Семеновиков, К истории цензуры в Екатерининскую эпоху («Русск. Библиофил», 1913, № 1, стр. 55—56).

⁶ Там же, стр. 56.

⁷ В. Ф. Солнцев, «Смесь», сатирический журнал 1769 г., СПб. 1894, стр. 11—13.

⁸ «Вольтеровы заблуждения», М. 1793, стр. 2; ср. «Сборник Общества Любителей Российской Словесности», М. 1891, стр. 216, 244—245, 267; «Журн. Мин. Народн. Просвещ.», 1895, № 7, стр. 100.

⁹ «Москвитянин», 1844, ч. VI, стр. 213; «Русск. Архив», 1872, № 2, стр. 319.

¹⁰ «Древняя и Новая Россия», 1878, № 3, стр. 279.

¹¹ См., например, «Обнаженный Вольтер» (СПб. 1787), «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера „На разрушение Лиссабона“» В. Левшина (М. 1788), «Изобличенный Вольтер» (СПб. 1792), «Ах, как вы глупы, господа французы!» (М. 1793), «Оракул новых философов или кто таков г. Вольтер» (М. 1803), «Основатели новой философии, Вольтер, Даламбер и Дидерот—энциклопедисты без маски» (СПб. 1809), «Иудейские письма к г. Вольтеру» (М. 1808—1809) и др. Сюда же нужно присоединить и упомянутые выше «Вольтеровы заблуждения» аббата Нонота (М. 1793) в переводе Евгения Болховитинова (см. «Русск. Вестник», 1869, № 5, стр. 34—36). Библиографические, хотя весьма неполные данные о переводах Вольтера и распространении его сочинений в России см. в статье Д. Языкова, Вольтер в русской литературе («Под знаменем науки». Сборник в честь Н. И. Стожаренко, М. 1902, стр. 703—704 и др.). В 1929 г. в Ленинградском обществе библиофилов был прочитан доклад П. А. Картавова, содержащий ряд новых и свежих материалов: «Вольтер в России, архивные и библиографические разыскания о переводах произведений Вольтера на русский язык и о влиянии их на русскую литературу и общество» (остался ненапечатанным).

¹² Архив Академии наук СССР, журнал заседаний Академии наук 1791, № 602; ср. В. Семеновиков, К истории цензуры в Екатерининскую эпоху («Русск. Библиофил», 1913, № 1, стр. 62).

¹³ «Летописи Русской Литературы и Древностей», 1863, т. V, стр. 41.

¹⁴ «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год», СПб. 1862, стр. 33—34.

¹⁵ Там же, стр. 46, 47.

¹⁶ Там же, стр. 59.

¹⁷ «Русск. Старина», 1894, № 9, стр. 172—173.

¹⁸ Г. К. Репинский, Цензура в России при императоре Павле («Русск. Старина», 1875, № 11, стр. 454—459).

¹⁹ «Русск. Старина», 1875, № 11, стр. 457, 458, 460.

²⁰ [В. В. Стасов], Цензура в царствование императора Николая I («Русск. Старина», 1903, № 10, стр. 173—174).

²¹ В результате произведенного расследования книга Н. Сокольского была запрещена, а сам автор отстранен от должности преподавателя семинарии. См. А. Котвич, Духовная цензура в России, СПб. 1909, стр. 584—588.

²² СПб. ценз. к-т, 1868 г., д. № 61, лл. 16—17. После запрещения книги духовной цензурой издатель Поляков в 1871 г. просил цензурное ведомство возбудить против него судебное преследование, рассчитывая на оправдательный приговор. Однако, одновременно с возбуждением этого преследования Главное управление по делам печати обратилось в комитет министров с представлением о запрещении книги, как особо вредной. 7 ноября 1872 г. книга, действительно, подверглась запрещению, и 775 экземпляров ее были уничтожены. В связи с этим судебное преследование против Н. П. Полякова было прекращено (Главн. управл. по делам печати, II отд., 1871 г., д. № 139).

²³ СПб. ценз. к-т, 1870 г., д. № 17, л. 9.

²⁴ СПб. к-т ценз. иностр., рапорты за 1878 г., № 4336.

²⁵ Там же, рапорты за 1883 г., № 5187.

²⁶ Там же, рапорты за 1884 г., № 7112.

²⁷ Там же, рапорты за 1888 г., № 10568.

²⁸ Там же, рапорты за 1888 г., № 3760.

²⁹ Там же, рапорты за 1893 г., № 9855.

³⁰ СПб. ценз. к-т, 1896 г., д. № 149; ср. также Н. В. Дризен, *Драматическая цензура двух эпох 1825—1881*, Пгр., стр. 248—249; В. Евгеньев-Максимов, *Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века*, Л. 1927, стр. 165.

³¹ Центр. к-т ценз. иностр., рапорты за 1897 г., №№ 8031—8034.

³² СПб. к-т по делам печати, 1912 г., д. № 91.

³³ В. В. Сиповский, *Очерки из истории русского романа*, т. II. СПб. 1910, стр. 422; ср. проф. В. И. Резанов, *Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского*, вып. II, Пгр. 1916, стр. 561—566. Е. Боброва, *Жан-Жак Руссо в России* («Книжные Новости», 1937, № 12, стр. 6—9).

³⁴ Московск. ценз. к-т, 1831 г., д. № 20.

³⁵ А. Котович, *Духовная цензура в России*, СПб. 1909, стр. 514.

³⁶ Драм. ценз., рапорты за 1848 г., № 14.

³⁷ СПб. к-т ценз. иностр., журнал заседаний за 1854 г.

³⁸ СПб. к-т ценз. иностр., рапорты за 1886 г., № 5962; 1897 г., № 8027.

³⁹ СПб. ценз. к-т, 1905 г., д. № 4, лл. 2—3.

⁴⁰ СПб. к-т ценз. иностр., рапорты за 1829 г., № 300; комитет постановил книгу запретить «с выдачей по разрешению Главного управления цензуры лицам известным».

⁴¹ Там же, рапорты за 1831 г., № 745.

⁴² Там же, рапорты за 1831 г., № 951.

⁴³ Там же, рапорты за 1897 г., № 8004.

⁴⁴ Там же, рапорты за 1872 г., № 1737; 1891 г., № 3; 1897 г., № 8002.

⁴⁵ Там же, рапорты за 1868 г., №№ 4079-а, б, с. «Romans et contes» были дозволены к ввозу и распространению в 1897 г. (см. рапорты за 1897 г., № 8006).

⁴⁶ Главн. управл. по делам печати, III отд., 1872 г., д. № 99, лл. 11—16.

⁴⁷ Мы не имеем возможности останавливаться здесь на отношении цензуры к сочинениям Гольбаха, не менее выразительном, чем отношение ее к Вольтеру, Руссо и Дидро. Чрезвычайно показателен в этом смысле отзыв московского духовного цензора о рукописи «Обеденных бесед» Гольбаха. «Рукопись, — писал цензор, — выставляя богохульство, нечестие и подлость вольнодумцев XVIII в. в собственном их виде и из собственных их слов и сочинений и сопровождая главнейшие из них опровержениями, содержит, однако, ...много таких мест, которые, будучи взяты отдельно, заключают не только противное христианской нравственности, правительству и религии, но и столь едки, неблагопристойны, грубы и вредны, что всего лучше бы и не слышать их. Большая часть из них таковы, что никакие серьезные опровержения не могут отвратить вреда, который они произвели бы, повторяясь в воображении и памяти узнавшего их не столько по любви к истине, сколько из любопытства» (Московск. к-т дух. ценз., 1830 г., д. № 28; А. Котович, стр. 457—458).

⁴⁸ Главн. управл. по делам печати, 1882 г., д. № 83, лл. 1—5.

⁴⁹ Главн. управл. по делам печати, 1884 г., д. № 67, лл. 2—3. Можно предположить, что на благоприятную резолюцию Феоктистова, крайне реакционные тенденции которого достаточно известны (см., например, нашу публикацию «Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову» в «Литер. Наследстве», кн. 22—24, 1935), в данном случае оказал влияние К. Н. Бестужев-Рюмин, покровительствовавший Бильбасову и в то же время бывший близким приятелем Феоктистова.

⁵⁰ Комитетом книга была запрещена; см. СПб. к-т ценз. иностр., рапорты за 1884 г., № 6223.